



Лев АЛЬТМАРК Несколько слов о себе

Я человек домашний. Почти книжный червь, которому легче сидеть дома, перечитывая любимых Бунина и Хемингуэя или Мандельштама с японскими хокку, чем куда-то ходить, предлагать рукописи и объяснять, кто я и что я. Где беру сюжеты? Они меня сами находят, потому что оставаться в своей скорлупе, увы, не получается. Почти ничего не придумываю, ведь у окружающей действительности фантазия куда богаче, чем у любого из нас. Просто бери и переноси на бумагу.

Начал писать ещё в Брянске, откуда родом. Там же были первые публикации, а после окончания Литературного института им. Горького перебрался в Израиль, в город Беер-Шеву, где и живу сегодня. К литературным наградам, которые изредка получаю, отношусь предельно иронично и без фанатизма. Несмотря на разнообразие тем, все мои двенадцать изданных книг, по сути дела, об одном и том же: о боли, любви и надежде, о человеке, который в любой ситуации обязан оставаться человеком, о непримиримой войне со злом, которое частенько рядится в одежды добродетели...

И этот рассказ о том же. Описанное могло произойти в любой точке мира, во время любого военного противостояния, ведь главное — всё-таки не антураж, а сам человек, его внутренний мир, сомнения, страдания и открытия...

Тем и живу.

НА КРАЮ ОДИНОЧЕСТВА

Я лежу на спине на каких-то острых камнях и смотрю в небо. Оно чёрное и бездонное, в редких крапинах звёзд, но их то и дело застилает низким серым дымом. Тишина вокруг такая, что неприятно свистит в ушах. Только свист и больше ничего. Наверное, я оглох от взрыва и ничего не слышу, потому что бой наверняка ещё не закончился. Это я точно знаю.



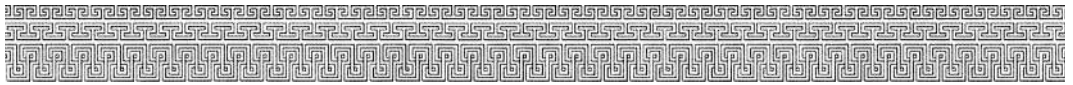
Когда десять минут назад я подошёл к стене, за которой прятались преследуемые нашим взводом боевики, я не рассчитал одной детали: она не станет защитой ни мне, ни им, потому что деваться им некуда, и они её взорвали, а на меня посыпались камни старой кладки.левой свободной рукой я пытался заслониться, а правой не смог — в ней был автомат. В глаза полыхнуло чем-то белым и беззвучным, стена распахнулась чёрным шевелящимся провалом, а дальше я ничего не помню. Очнулся уже на камнях, и вокруг меня была свистящая тишина. По ту сторону стены тоже было тихо. Люди, находившиеся там, — что с ними?

Пытаюсь пошевелиться и сползти с острых камней — и не могу. Ноги присыпаны осколками и кусками стены, левая рука не слушается меня, а правая придавлена автоматом. Сплёвываю песок, налипший на губах, и мотаю головой. Но в темноте ничего не видно, кроме неба и звёзд.

Первая мысль: ну вот, брат, и тебе досталось... Неужели это всё происходит так стремительно и неожиданно? Ведь ещё сегодня утром я шутил и веселился с друзьями, пил, как всегда, кофе со свежими булочками и планировал, что вечером, когда закончится сегодняшняя операция, получу свой сотовый телефон у командира и позвоню домой, узнаю, как дела. А потом, к выходным, операция наверняка закончится, и нас, резервистов, отпустят домой. Выспавшись и отмывшись от армейской пыли, я укачу с женой и сыном на денёк на море. Эх, мечты-мечты...

Мне пока не больно, хотя левая рука — я это чувствую — вывернута как-то неестественно, и в ней что-то пульсирует злыми упругими толчками. Пытаюсь подтянуть её к себе, и вдруг резкая боль пронзает кисть, постепенно поднимаясь по руке и останавливаясь где-то на уровне плеча. Наверное, я начинаю стонать, но из-за свиста в ушах ничего не слышу.

Нет, левой рукой лучше сейчас не шевелить, а попробовать приподняться и заодно отбросить автомат, обвивший своим ремнём правую руку. Это мне почти удаётся, и я подношу руку к лицу. Чёрная растопыренная пятерня заслоняет звёзды, и я удивлённо рассматриваю её контур, ощупываю лоб и лицо — с правой стороны на виске и щеке липкая горячая кровь. Видно, меня хорошенько задело камнем. Но не это мне требовалось выяснить. Тёплая пластиковая мыльница переговорного устройства никуда не делась, и я с трудом вытаскиваю её из кармашка и подношу к губам. Обычно она потрескивает, и я могу слушать переговоры моих товарищей. Но сейчас, когда я ничего не



слышу, остаётся полагаться на то, что переговорное устройство уцелело при взрыве и я смогу позвать кого-нибудь на помощь.

Пока отыскиваю пальцем кнопку вызова, боль, застрявшая в левом плече, растекается по груди, и мне становится невероятно трудно дышать. Настолько трудно, что я начинаю стонать, и это мне уже слышно. Свист в ушах становится тише, зато я различаю другие звуки. Какая-то возня за рухнувшей стеной меня не пугает: если там кто-то и жив, то ему наверняка досталось не меньше, чем мне. Где-то вдальеке — одиночные звонкие выстрелы пистолетов и басовитые очереди автоматов. А ещё дальше — глухой, с раскатистым эхом, новый взрыв. Наверняка опять подрываются боевики, преследуемые нашими солдатами...

И снова наступает тишина, но уже другая — не такая, как вначале. Выстрелов и взрывов больше нет, но отовсюду слышится какое-то странное шуршание и... стрёкот кузнечиков. Откуда они здесь?

— Эй, солдат, ты меня слышишь? — раздаётся чей-то голос, и я пытаюсь оглядеться вокруг, но никого пока не вижу.

— Лежи спокойно, сейчас мы тебя достанем, — и сразу же чьи-то руки начинают тянуть меня из груди камней.

— Рука... Больно! — сиплым шёпотом кричу я, но меня не слышат. — И ноги...

Наверное, я потерял сознание, потому что, когда очнулся от хлопков по щекам, обнаружил себя уже на носилках, и рядом со мной девушку в армейском защитном комбинезоне с брезентовой сумкой через плечо и белым ярким кружком армейской скорой помощи.

— Тебя как зовут? — наклоняется девушка и почти дышит мне в лицо.

— Мне тяжело говорить, — шепчу я, — и рука...

— Потерпи немного, сейчас будет вертолёт, и тебя заберут.

Я отворачиваюсь и закрываю глаза, но девушка тормозит меня и, конечно же, за левую руку:

— Не закрывай глаза! Сейчас я тебе сделаю укол, будет легче...

Я не поворачиваю голову и не отвечаю, но от девушки так легко не отвязаться. Она снова хлопает меня по щекам и повторяет:

— Не закрывай глаза!

— Отстань, — выдавливаю я, и голос у меня срывается, — у меня и так всё болит...



— Я тебе не дам вырубиться, парень! Потерпи уж, родной!.. Повтори, как тебя зовут?

Ей, безусловно, известно моё имя, но она постоянно тормозит меня и следит, всё ли у меня в порядке, если моё нынешнее положение можно назвать порядком. Когда я отключусь от боли или от потери крови, она это узнает по моей реакции. Пока я огрызаюсь и мотаю головой — это, видимо, нормально. Правда, я уже толком не могу ничего выговорить, только в горле что-то хрипит и булькает, но девушка кивает головой, мол, всё нормально, парень.

Не знаю, сколько проходит времени, потому что время для меня сейчас измеряется промежутками между толчками боли в руке и груди, а вертолёт всё ещё нет. Слышу, как девушка быстро говорит кому-то, что у меня большая потеря крови, и ждать дальше нельзя, так что нужно раненого увозить на машине.

— Потерпишь? — спрашивает меня незнакомый мужской голос. — На машине будет чуть дольше, но она уже здесь, а вертолёт нужно ждать.

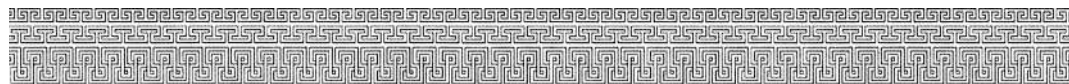
— Делайте, что хотите, — хриплю я, — только заберите меня отсюда!

Как меня грузили в машину, не помню. Единственное, вспоминаю, что носилки были скользкие, хоть меня и привязали к ним ремнями. Здоровой рукой я пытался вцепиться в какую-то скобу на стенке, но она всё время выскальзывала из пальцев, и меня мотало из стороны в сторону. Наверное, машину тоже так мотало на дорожных ухабах, что даже девица, сидевшая рядом со мной и периодически тормозившая меня, неловко взмахивала руками и кричала водителю, чтобы не гнал так быстро...

...Я лежу в своей кровати, и мне всего пять лет. Этой сырой осенью я простудился, и у меня высокая температура. Кажется, я впал в забытье или просто сплю, но сплю чутко. Так чутко, что чувствую всё, что происходит вокруг меня, хоть глаза мои закрыты. Меня немного знобит, хоть под ватным толстым одеялом и тепло, но всё равно я зябну и пытаюсь подтянуть ноги к себе, однако сил на это нет.

Во рту вкус выпитого горячего молока с мёдом, и это сушит. Хочется попросить маму принести простой воды, но нет голоса, только хрип. В груди что-то свистит, и надрывной кашель то и дело подбрасывает меня, не давая провалиться в сон.





Тёплые мамины ладони ложатся на мой лоб. Я знаю, что это мама, потому что её левая ладонь слегка царапает мне кожу — на ней глубокий шрам от какого-то старого пореза. Мама...

За окном, у которого стоит моя кровать, шум дождя — не проливного летнего, а холодного осеннего, то моросящего крупными каплями, то на какое-то время стихающего. Но окно закрыто, и запаха дождя я не чувствую. От этого тяжело дышать, и кашель, кашель, кашель, который не даёт перевести дыхание...

— Эй, солдат, очнись! — голос девушки доносится откуда-то издалека, и я пытаюсь разлепить тяжёлые веки. — Скоро уже приедем, и тебе помогут. Крепись! — И снова: — Как тебя зовут? Какой у тебя номер удостоверения личности?..

Я не отвечаю, и девушка начинает тормозить меня и, конечно же, опять за больную руку.

— Отвяжись!..

Какой-то мужской голос — девушке:

— Оставь его, в самом-то деле! Видишь, парню хреново... Ещё десять минут, и мы на месте!

Пытаюсь снова погрузиться в шум давнишнего дождя и ощутить на лбу почти забытые мамины руки. Мне это почти удаётся, но ненадолго, потому что чувствую, как машина останавливается, мои носилки поднимают чьи-то сильные руки и куда-то тащат.

Только сейчас начинают действовать уколы, которые мне сквозь одежду вкалывали всю дорогу до больницы. Помню, как девушка извлекла откуда-то ножницы с тупыми изогнутыми концами и разрежала на мне куртку и брюки, пытаюсь добраться до открытых ран. Но я не обращал на это внимание, потому что действовала она осторожно и заученно. Теперь, когда меня погрузили на каталку и повезли куда-то внутрь помещения, чувствую, как прохладный ветерок слегка холодит мою голую грудь и ноги, но от этого становится почему-то легко и спокойно.

Сквозь сомкнутые веки различаю, как над головой проносятся яркие плафоны на потолке, и чьи-то голоса, уверенные и тоже спокойные, указывают, куда меня везти. Десятки белых дверей автоматически распахиваются перед каталкой, и мне немного тревожно. Но не от боли и не от ожидания предстоя-



щих операций. В другой ситуации мне было бы весьма любопытно оглядеться, но сейчас не до этого.

А потом я уже ничего не помню...

Ночь и тишина. Я опять пытаюсь заслониться левой рукой от падающей стены, но даже пошевелить ею не могу, потому что она засыпана камнями. Губы давно пересохли, и я облизываю их, однако язык едва шевелится. Он сейчас во рту как сухая колючая щепка, которую никак не выплюнуть.

— Пи-ить... — это, наверное, мой голос, вернее, не голос, а какой-то незнакомый хриплый шёпот.

— Тебе сейчас нельзя...

Кто это? Впрочем, всё равно, лишь бы на губы попала хоть капелька воды.

— Пи-ить...

— Потерпи немного, сразу после операции нельзя. Потом напьёшься!

И снова я погружаюсь то ли в сон, то ли в детство.

Каждый раз среди ночи — а их было несколько — я тихонько поднимался с кровати и шёл в другую комнату. Не знаю, что мне там было нужно, только лежать в кровати и бессонно следить за отблесками от автомобильных фар, пробегающих по шторам, было тоскливо и тяжело. В темноте, почти на ощупь, я пробирался к дивану и устраивался в уголке между спинкой и валиком. Мне не хотелось шуметь, чтобы не разбудить спящих в своей спальне родителей, только это почти никогда не удавалось. Неожиданно мои лёгкие взрывались сухим лающим кашлем, от которого резало в груди, и родители сразу просыпались.

Папа брал меня на руки и уносил в мою комнату, а мама, тяжело вздыхая, садилась у кровати и долго сидела рядом. Пока я не засыпал. Её левая ладонь с покалывающим старым шрамом ложилась на мой лоб, и мне от этого становилось легко и спокойно...

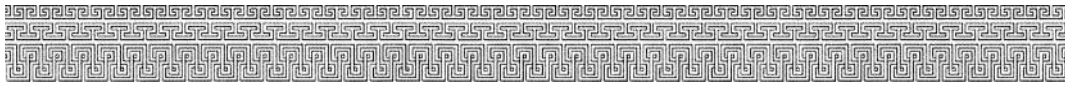
— Дай мне встать, — шепчу я, — мне так неудобно лежать в этой позе!

— Тебе нельзя, ты же в гипсе и к тому же после операции ещё от наркоза не отошёл. День-два — и тебе разрешат делать всё, что захочешь...

— Неправда! При наркозе спят...

— Ты спал почти сутки!





— Тогда дай пить...

— Повторяю же, что нельзя!

Я пытаюсь повернуться, но тяжёлые гипсовые оковы вжимают меня в скомканные простыни и не дают пошевелиться.

...И снова на меня наваливается распадающаяся стена. Небо над головой уже чёрное и бездонное, без единого огонька, и нет в нём даже серого рваного дыма, пахнущего гарью, только во рту остался какой-то острый привкус горьких лекарств. Откуда он?

Опять пытаюсь выкарабкаться из-под камней, и мне это удаётся. Как ни странно, но гипс на моей руке и ноге даже помогает. Я отталкиваюсь им от острых камней и тащу за собой автомат за ремень. Как ящерица свой полуоторванный хвост.

— Эй, солдат, какой у тебя номер удостоверения личности? — доносится из-за спины звонкий девичий голосок. — Ты меня слышишь?

— Дай лучше пить...

— Подожди, сейчас будет вертолёт...

На губах — песок и острые мелкие осколки камней. Отплёвываюсь, но рукой до губ не достать. Может, мне даст воды сухонькая мамина рука с покалывающим старым шрамом?..

В палате полумрак. За ширмой, разделяющей соседние кровати, стонет какой-то старик. Он бормочет что-то монотонное, иногда я различаю обрывки молитв, а потом — опять надрывный стон, переходящий в плач. От этого старческого бессильного плача в горле и в груди у меня какой-то вязкий ком, который не проглотить и не выплюнуть.

Мне не хватает воздуха, но я молчу, лишь мотаю головой. И голова начинает кружиться, потолок раскачивается из стороны в сторону. От этого меня рвёт, и горькая жёлтая жижа растекается по простыне, которой я накрыт.

— Эй, кто-нибудь! — кричу я, и мне кажется, что голос стал каким-то чужим, не моим — хриплым и тонким, совсем как у плачущего соседа-старика.

— Подожди немного, сейчас придёт медсестра и уберёт грязную простыню, — отвечает кто-то, кого различить я уже не могу.

Я хочу спать. Смертельно хочу. Наверное, во сне голова перестанет кружиться и... И я, наконец, выберусь из-под этой проклятой рухнувшей стены.



Сброшу с руки перетягивающий ремень автомата. И куда-нибудь обязательно улечу на вертолёт. Я буду парить в облаках, выглядывать в круглое окошко иллюминатора и видеть, как где-то подо мной пролетают птицы...

Только бы дождаться вертолёта и не сойти с ума от этой пульсирующей боли. И ещё бы глотнуть свежего холодного воздуха...

Помню, как меня, совсем маленького и беспомощного, папа вёз куда-то студёной зимой на наших стареньких санках. Снег скрипел под полозьями, а я сидел на санках, изо всех сил вцепившись в сиденье. Передо мной в крупных мельтешащих снежинках мелькала папина спина, и он, не оборачиваясь, приговаривал:

— Держись, сынок, уже скоро! Мы приедем к врачу, и он даст тебе волшебную таблетку, от которой станет лучше. Держись, ты же мужчина!

Мне было холодно и очень неудобно. Я прятал нос в шарф, которым закутано моё лицо, и вдыхал его сырой шерстяной запах. Меня мутило, и я старался вдохнуть морозный воздух, который обжигал ноздри. От обиды мне хотелось плакать, но не при папе же!

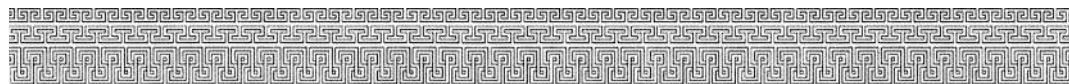
Где ты, папа, сейчас? Где сейчас мои старые неудобные санки? Где тот морозный обжигающий воздух, которого мне сейчас не хватает? Отвези меня туда, где мне станет легче. Я мужчина, я выдержу...

И опять эта проклятая стена с грохотом рушится у меня на глазах, только грохота я не слышу — лишь какой-то тонкий старческий плач вперемешку с обрывками молитв. Я, наверное, должен встать, отряхнуться от пыли и камней и помочь старику. У него-то сил поменьше, чем у меня...

— Эй, старик, отзовись! Я помогу тебе, как бы мне ни было больно. А потом вызову вертолёт, на котором мы улетим в чистое небо, и только птицы будут пролетать под нами... Хорошо, что ты сейчас рядом со мной — мне не так одиноко в этой тоскливой иссушающей боли. Вместе нам будет не так страшно. И не так больно. Ты меня слышишь?.. Какой у тебя номер удостоверения личности?..

Кто-то заботливо подносит к моим губам пластиковый стаканчик с водой, а потом поправляет отброшенную минуту назад трубку с кислородом. Мама? Жена? Медсестра?





Ничего не разобрать в темноте. А где мой сосед — старик на соседней кровати? После взрыва и шума падающей стены я не могу находиться в полной тишине. Мне так плохо и страшно! Уж лучше его плач и молитвы.

Отлично помню, как я разыскал его среди обломков стены, вытащил, и мы полетели на вертолёт. Только как он здесь оказался?.. Я не отпускал его сухую сморщенную руку, и мне казалось, что в этом наше спасение — и моё, и его. Иначе на нас обрушится одиночество — тяжёлое, иссушающее, вернуться из которого уже никогда не удастся. Ни мне, ни ему.

Старик больше не плакал и тоже смотрел на птиц, которые пролетали внизу...

Как он всё-таки оказался рядом со мной? И где он сейчас? Непонятный гнев и обида душат меня, и мне опять плохо...

— Эй, проснись! — кто-то тормошит меня, и я неохотно открываю глаза.

Вокруг меня всё та же больничная палата, только что-то неуловимо изменилось. Я не знаю, утро сейчас или вечер, но подвижный солнечный лучик несмело скользит по стене, и я не свожу с него взгляда.

— Как себя чувствуешь? — опять спрашивает кто-то. — Разговаривать можешь?

— Где мой сосед? — шепчу я. — Ну, тот, с соседней кровати...

— Нет его больше. Совсем нет...

Мне хочется закрыть глаза и вернуться к разрушенной стене, чтобы спасти старика, который наверняка до сих пор ещё там и ждёт моей помощи, но меня опять тормозат и не дают погрузиться в свой кошмар.

— К тебе друзья пришли — солдаты, с которыми ты был там...

— Старик...

— Всё! Забудь про него. Нет его больше, тебе же сказали!

Никак не могу понять, что происходит вокруг. Где я? И вдруг тоненький, но такой знакомый и родной голос девушки:

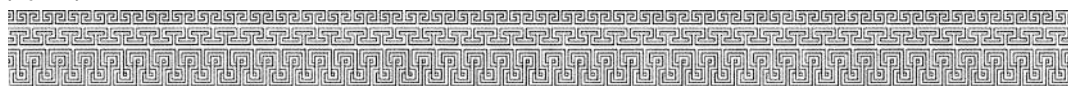
— Здравствуй, солдат! Тебе уже лучше? Ты меня помнишь? Ну ответь!..

По моим небритым щекам катятся крупные слёзы. Я ещё не могу различить лиц, плавающих в редяющей мутной пелене, но мне уже легче и спокойней. Первый раз за последние несколько дней.

Стена больше не рушится, а эхо от взрыва не колышется в горячем ночном воздухе.

— Вот, мы тебе апельсинов принесли, — говорит девушка, — тебе их, наверное, уже можно. Выздоровливай, солдат!





Я протягиваю руку, и в мою ладонь ложится прохладный шершавый бок апельсина. Какое это, оказывается, счастье — просто сжимать в ладони апельсин...

Наконец, мне удаётся разгрести обломки кирпичей и камни, я встаю в полный рост и смотрю на небо, в котором скоро появится вертолёт, на котором мы улетим. Ночь потихоньку рассеивается с первыми рассветными лучами. Гляжу и не могу наглядеться, как из-за мутного, подрагивающего горизонта медленно выплывает... апельсин. Я тяну к нему руку, и он ложится своим прохладным живым боком в мою ладонь.

Нет больше одиночества — я живу, живу, живу...